СТРАННИК

КНИГА ЛИРИКИ

IXΘYC

ПАРИЖ

СТРАННИК

КНИГА ЛИРИКИ

ПАРИЖ

1966

Printed in Spain

Depósito Legal: M.-12115-1966

Imp. Taravilla - Mesón de Paños, 6 - Madrid

Нежданное не наступает вдруг.
Оно не изумленье, не испуг,
Не растворенье перед красотой,
А только пенье истины простой.
Нежданные стихи всегда пиши
Всей легкой простотой своей души.

РОЖДЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Так медленно идет на землю свет,
И воскресают мира очертанья,
И возникает жизни щебетанье,
Невинности неповторимый след.

Вся тайна мира в этом созреваньи
Часов и дней, веков и лет,
Без жалобы, без самооправданья,
Без утомительных, пустых побед.

ЗЕМЛЯ

Шар такой чудесной выточки,
А висит на чем не знаю.
Может он висит на ниточке
Меж несчастием и раем,
Между слабостью и силою,
И висеть до срока надо, —
Полюбите эту милую
Землю, пахнущую садом.

РОЖДЕНИЕ БЛИЗОСТИ

Много лет уже тому назад
Ты вошла ребенком в этот сад.
С солнечными липами цвели
Все цветы проснувшейся земли.
Дальше было море, а на нем
Золотым горела жизнь огнем.
Полюбила ты свой светлый сад,
Волны, что не плещут, а горят,
Тихих этих пчел, хранящих мед,
Яблоню, которая цветет.
Полюбила ты земли покой,
Раздвигала ветви ты рукой,
Золотистый мед себе брала,
На траве нетронутой спала.
Были дни просты и хороши,
Но не знала ты другой души,
Не встречала в мире никого
И не знала лика своего.

А потом как жизни новый свет,
Человека вдруг открылся след,
След еще одной земной души,
Зарожденный в небе и в тиши;
Он рождался в золотом песке,
Возникал он песней вдалеке.
Ты не знала друга много лет,
И услышала его привет.
Он явился песней и волной,
В сокровенности своей земной.
И теперь ты больше не одна,
Жизнь другой души тебе дана,
И, в незримости ее любя,
Постигаешь ты, душа, себя.

КАЛИФОРНИЙСКИЙ ДЕНЬ

Ветки пальмы словно тонут
И поднять себя не в силах,
Воздух синий нежно тронут
Ветерками птичек милых,
Этим серым, желтым, синим,
Несговорчиво поющим,
Залетающим под кущи,
Ветром жизни средь пустыни.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Темной ели бархатистой
Путь надежен, прям и строг,
Но на высоте скалистой
Поредел и изнемог.
Словно нет уже дыханья,
Непосильна высота,
И все ближе след сгоранья
Непалимого куста.

ШАСТА

От пустынь окаменелых,
От земли холодной ввысь,
Отдавая небу тело,
Руки белые взвились.

И последней белизною
Небо тронула слегка,
Возникая предо мною,
Мира древнего рука.

ТАХО

Ненадежно и непрочно
Мир стоит по берегам.
И леса, струей молочной,
Все уходят в небе там.
Тихий снег, вечерний иней
У воды сияют синей.

ЛОТОВА ЖЕНА

Душа подобна Лотовой жене,
Не остается долго в вышине.
Оглядываясь на Содом,
Отыскивает там свой дом,
И каменея, смотрит в ту юдоль,
Где смерть свою оставила и боль.

АНТИБЫТИЕ

Бесплодна и страшна езда
Средь неприкаянного мира.
Уродливые поезда
Каких то ловят пасажиров,
И, второпях, им не сказав,
В каком везут их направленьи,
Привозят на пустой вокзал,
Откуда было отправленье.

ПОКАЯНИЕ

Ангел тихий встал на колени.
Слезы Богу душа несет —
Боль Петра и своих отречений
От великих Его забот.

И молитва души все тише,
Сокровеннее бытие.
И все радостней небо слышит
На земле страданье ее.

В ГОСТЯХ У ИОВА

Эти маски, эти роли
Так препятствуют блаженству!
Тело нам дано для боли,
Как душа для совершенства.

Иов старый мыслил быстро
И имел большое знанье:
«Мы приходим на страданье,
Чтоб стремиться вверх, как искры».

ИСТОРИЯ

История, есть долгий в вечность путь,
Больным волом запряженные дроги.
Мы едем и хотели б отдохнуть,
Остановиться где то на дороге.

Лирических поэм не заслужив,
Мы слушаем глухую песнь возницы,
Все той же страсти медленный разлив,
Который все тысячелетья длится.

И нас торопит солнце... Вновь и вновь
Уводит нас в холодные рассветы —
Быть может это вечная любовь,
Которую мы все забыли где то,

Но след ее остался невредим,
Средь тленных зорь, всплывающих над нами,
И все она зовет, как херувим,
Одетый в Слово, облако и пламя.

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Над памятью тревожной этих лет
Изнеможенья и недоуменья,
Стоит какой то предвесений свет
И отрешения, и разуменья.
И кажется, что не было его,
Волненья и смятенья твоего.

СПИЧКА

Усталый человек взмахнул рукой
И горький дым глотает по привычке.
И нет во всех мирах души такой,
Которая жалела бы о спичке.

Но, может быть, есть все же сын земной,
Познавший тайну малого творенья, —
Пусть будет он, хотя бы, только мной,
И дар его — одним стихотвореньем.

Аллитераций безответный гром
Так часто слышен в воздухе пустом.
Открой стихи озерной глубины,
Где отсветы начальные видны
И жизнь рождается — совсем одна —
Как в скалах солнечная тишина.

ЛЕГКАЯ ВОДА

От легких галльских берегов,
Погод и непогод,
Плывет, на чей то дальний зов,
Холодный пароход.

В нем от земли плывет вода,
Изъятая из недр;
Над ней шумели города,
И рос клермонский кедр.

Она, играя под горой,
Живила всех больных,
И вот ее, с ее игрой,
Зовут для стран других.

И с ней плывут ее сады,
Ее земля — как соль.
Плывет на мир душа воды
Целить земную боль.

БАЛЛАДА О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

В гостинице, где я живу,
Есть длинный корридор.
Там душам тесно, как во рву,
А сапогам простор.

У всех дверей они встают,
Как тень земных дорог,
И людям ночью не дают
Переступить порог.

Они без глаз и без ушей,
Собой не хороши,
Но мир ночной для них слышней,
Чем для земной души.

Земле ночной нельзя помочь,
Ей только шлют свой вздох;
И так вздыхает мир всю ночь,
В начале всех дорог.

Пустынен коридор земли,
Все души тяжко спят,
А за дверями их в пыли
Одни тела стоят

И ждут мгновенья своего,
Не мысля, не дыша;
И всякий ждет, когда его
Пробудится душа.

А в небе медленный рассвет
И новой жизни час
Уже несут свой первый свет
Для неглядящих глаз.

СОЛНЕЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Еще так много в этом мире места
Под сенью облаков, над синью вод.
И к голубым вершинам Эвереста
Не собирается народ.

Но все летит на солнечный пожар
В голубизне потерянная точка,
Приговоренный к высоте Икар,
Наш современник, новый одиночка.

РОЖДЕНИЕ ТИШАЙШЕЙ ИГРЫ

Мир совестью и мыслью утомлен —
Игра, игра идет со всех сторон!
Играет царь державою своей
И революция — землею всей.
Играют люди кистию, пером,
Любовию и нежностью потом.
И даже пастырь в храме простоты
Искусственные раздает цветы.
Все, что летает, плавает — играет,
А, если не играет, умирает.
Войной играют в небе, на воде,
В судах, в парламенте, в сердцах, везде.
Мы орденами игры награждаем,
Играем в жизнь и в смерть свою играем.
Игрой своей игры увлечены,
Мы раздаем признанья и чины,
Улыбки, странные нравоученья...
Но вот, когда настанет утомленье
И мы своей пресытимся игрой,
Нам рифмой хочется играть одной...
Тогда и настает твоя пора,
Поэзии тишайшая игра.

Поэзия — безмерность и покой,
Сияние и растворенье;
Она касается своей рукой
Миров неслышного движенья.

Она возникновенье бытия
И песня, и любовь другая...
Но, влагу драгоценную храня,
Она в песках изнемогает.

ЛИСТ

Ни молчать, ни лгать не может,
Откровенный и несмелый,
На подснежник — так похожий
Новый лист бумаги белой.

Словно речию простою
Он один сказать умеет —
Овладей поэт рукою,
Овладей душой своею.

ДУША ВЕТРА

Вы хотите от меня деталей?
Посмотрите же наискосок —
Проплывает в ясной дали
Паутины волосок.

Это значит умер в мире ветер,
И земли осенние поля
Кто то благостный отметил
Дуновеньем бытия.

ВЕЧЕРНИЕ ЗВЕЗДЫ

Вечерний мир, доверчивый и строгий,
Меж небом и землей сокрыл межу.
Остановился я среди дороги
И в звезды тихие гляжу.

Так строги, так доверчивы касанья
Моей земли — миров иных.
Любовь уже поет последний стих,
И небо ей дает свое молчанье.

РОССИЯ

Пролетела черная птица,
Сокрывающаяся в мгле —
Неизвестной страны граница
Всем далекая на земле.

Мы на родине. Но не судьи
У дороги встают земной, —
Только утреннее безлюдье,
Облака над новой зарей.

Мы идем, земли не тревожа,
Слов последних не говоря,
А вокруг родное все то же,
Этот лес, поля и заря.

Мы не ждем никого, не ищем.
Но вдали, где светел восток,
Над одной далекою крышей
Покосился живой дымок.

И для нас это утро сада,
Вдалеке чуть заметный дым...
Ничего иного не надо,
Пусть достанется все другим.

QUO VADIS

Город древний, сделай милость,
Чтобы вместо всех наград,
Время здесь остановилось
И потом пошло назад;

Чтобы тайных знаков Рыбы
Я нашел в тебе следы,
И апостолы прошли бы
Чрез остийские сады.

НИГЕРИЯ

Те же самые петухи,
Что поют на русской заре.
Воздух пряный густ, как духи,
Небо синее в серебре.

А в сердцах не зависть, не месть
И не тучи вокруг лица —
Собрались мы, как братья, здесь,
Чтоб прославить земли Творца.

1965

УТРЕННИЕ ЗВЕЗДЫ

Белеют звезды над моим окном
И умирают легким, звездным сном,
В луче рассветном, солнечном цветеньи,
Холодной синевы прикосновеньи.

Кленовый лист несет земле свой тлен,
И трещина идет средь наших стен,
Несовершенств печальная забота,
И плачет, и поет над миром кто то.

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК

Как мало в мире близости простой,
Открытости и милости веселой,
И не найдешь улыбки древней той,
Что воскрешала города и села.

Но в мир идет последний человек,
С его открытым и лучистым оком,
И о веселии своем высоком
Он говорит не поднимая век.

КОСМОНАВТ

Вылетел залп из новых орудий,
И дым над землей поднялся, как вьюга.
И были убиты сразу все люди
Севера, запада, востока, юга.

А земля неслась по своей орбите,
К солнцу привязанная, как птица.
И космонавт над землею открытий
Не знал, где ему теперь опуститься...

Там, где нету любви, нет и любимых.
Небо горит темнея, светлея,
Озаряя землю, полную дыма,
И одного космонавта над нею.

ОГОНЬ

И глубину и высоту,
Я все Тебе даю,
И ту последнюю версту
В моем земном краю,
Когда уже не надо мне
Стихов и слов моих,
Когда на медленном огне
Горит и этот стих.

ПАТМОС

Здесь Иоанн свою пещеру,
Как землю новую обрел,
И из пещеры вынес веру
На крыльях медленных орел,
И все кружил над пеной белой,
И отлетел в свой Горний Град.
С тех пор на Патмосе закат
Стоит средь волн осиротелых.

СНОВА УТРО

Много жалости и милости
В бледном небе надо мной.
Надо жить без торопливости
В неизбежности земной.

Листьев нежная сумятица,
Как дыхание земли.
И все тайны мира прячутся
Легким облаком вдали.

«И был вечер, и было утро: день один».

Бытие I, 5

Чем старше мы, тем голос тише,
И часто кто то нас зовет
Сквозь музыку четверостиший
В какой то медленный полет.

И сами мы еще не знаем,
В какую радость мы идем,
Окружены уже, как Раем,
Неудаляющимся Днем.

ПОЭМА ЖЕРТВЫ

На мире
Печать Жертвы.
Все всему приносится
И раздается,
Как воздух и солнце.
Человек, это согласие,
Сочувствие и содействие;
Человек, это жертва
И любовь —
Осуществляющаяся
И неосуществленная.
Человек, это дар вечности
И жертва времени
Приносимая всему
И себя приносящая...
Вечное входит в человека,
А проходящее проходит чрез человека.
Слава уходит от славолюбца,
Серебро от сребролюбца,
Власть — от властного,
Сила — от сильного...

Только гордость, зависть и алчность,
Неподвластные духу жертвы,
Мучают человека
Призраками жизни.
Все дается человеку каплей,
А протекает мимо него океанами,
Дается глотком воздуха,
А сияет звездными пространствами.
И это все,
Не дающееся нам в уста,
Надо уступать и отдавать,
Как бы, по любви...
В Боге
Мы всем обладаем,
Если ничего не имеем.
Закон Жертвы —
Отдавать
И не-желать,
И не иметь ничего,
Кроме Любви...
Отдавать все
И не желать ничего,
Ни вола, ни лепестка,
И все раздавать,
И отдавать
Богу Вышнему,
Облакам, людям и звездам.
«Мое только то, что я отдал»,
Сказал Максим Исповедник.

Жертвенность — образ Христов.
Бог положил на все
Печать Своей Жертвы.
Но есть жертва Каинова,
И есть — Авелева.
Есть жертва губящая,
И есть — спасающая.
«Если я отдам
Тело свое на сожжение,
А любви не имею,
Нет мне в том никакой пользы».
И — «призрел Господь
На Авеля и на дар его;
А на Каина и на дар его
Не призрел».
Жертва есть претворение
Неистинного в истинное,
Не жертвенного в жертвенное.
Духа Истины алчет жертва,
А безглазые призраки истории,
У которых рога «подобны агнчим»,
Требуют себе жертв неистинных...
Оттого велик подвиг Авраама
И чудесна его жертва,
Богу отдающая
Жизнь и надежду.
Свята вера Авраама,
Чиста его жертва.
Да не будет в мире жертв каиновых!

Да не будет жертв разбойничьих!
Да не гибнет человечество
От ложной своей уступчивости,
От грешной своей податливости...
Жертва Христова,
Спасающая разбойников и самарян,
И раненых, лежащих на дорогах,
И пастырей, идущих мимо,
В тебе сияют души —
«От Авеля праведного,
До Захарии, Сына Варахиина,
Убитого между храмом и жертвенником».
И для тебя живет
Весь мир,
И причащается
Из Чаши Жизни,
Все отдавая Богу
И принимая
От Бога все,
Весь дар любви,
Все звезды, все миры,
Все тайны.
Аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

«Странствия» (Лирический Дневник)
Нью-Иорк, 1960 г.

STRANNIK. 2040 Anza St.
SAN FRANCISCO, California, 94118
U. S. A.